№ 5 - 1996

ТЕРРОР УЖАСНАЯ ВЕЩЬ, ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНА ВЕЩЬ ХУЖЕ ТЕРРОРА: ЭТО - БЕЗРОПОТНО СНОСИТЬ НАСИЛИЕ.

КАЗАНСКИЙ АНАРХИСТЪ

АЛЬЯНС КАЗАНСКИХ АНАРХИСТОВ

ТЕТ-А-ТЕТ

Наш век - это не век хлипких личностей, в черных кепках, прячущихся по переулкам с шарообразными бомбами, также ка и не век политических споров в мюнхенской пивной. Наш - истинно уникальный век, когда индивидуум становится верховным носителем анархисткой теории, которой он даже не знает. Анархию больше нельзя определять как свободу от угнетения или отсутствие правительственного контроля. Она идет дальше этого. Она стала, особенно в сегодняшних молодых людях, ***состоянием ума, сутью существования.*** Ее можно выразить как "поступление по-своему" или может быть просто возможность иметь выбор поступать или не поступать.

Анархия или анархистская теория является единственной идеологией, которая ни в малейшей мере не оптимистичной. Она взваливает полный груз ***ответственности*** туда, где ему надлежит быть - на плечи всех людей, а не только избранной кучки. Ее основная посылка покоится на непоколебимой вере в человеческую природу и первичную доброту человеческого рода.

У.Пауэлл
"Поваренная книга анархиста"

Декларация анархо-народа.

Мы, анархо-народ планеты, обращаемся ко всем людям мира с настоящим воззванием и призываем каждого привести свое существование в соответствии с излагаемыми здесь принципами.

Анархо-народ исходит из неспособности человеческого общества в целом обходиться пока без институтов принудительной власти и, в частности, без государства, но он убежден, что социальный прогресс и становление ноосферы Земли сопряжены с постепенным обретением людьми такой способности.

Анархо-народ исходит из того, что только это обретение будет создавать истинные предпосылки к отмиранию институтов принуждения,

Анархистъ.

вообще, и государства, в частности. Причем, этот процесс мыслим только как постепенный и только как мирный, ибо насилие не способно ликвидировать насилие же.

Анархо-народ исходит из того, что мир с незапамятных времен кишит заговорами всех против всех, но принципиально отвергает заговор, как средство достижения цели. Анархо-народ индифферентен к любым заговорам и никак не ограничивает участие в них своих представителей.

Анархо-народ стремится к достижению своей цели - к обществу без принуждения, путем структурирования и расширения самого себя ка структуры партикулярного (гражданского - прим. ред.) типа, то есть такой структуры, в которой число и эффективность горизонтальных связей сотрудничества и взаимопомощи существенно преобладают над числом и эффективностью вертикальных связей подчинения и управления, противопоставляя себя всем структурам тоталитарного типа, в которых соотношение между горизонтальными и вертикальными связями будет обратное.

Анархо-народ индифферентен к любой идеологии, ибо исходит из того, что никакой идеей нельзя опровергнуть другую идею (?- прим. ред.). Анархо-народ не устанавливает никаких идеологических ограничений (?- прим. ред.) для своих представителей.

Анархо-народ исходит из убеждения, что сознательная, целеустремленная и пусть даже разобщенная деятельность его представителей по усилению партикулярности его структуры и вовлечению в нее все большего числа людей, будет автоматически обеспечивать все большее преобладание информации над дезинформацией, добровольности над принудительностью, культуры над

На злобу дня

дикостью... Добра над Злом, Жизни над Смертью. Анархо-народ не придает большого значения целостности и сплоченности своей структуры, а стремиться к всемерному наращиванию ее совокупной массы, созидая ее повсюду, где только предоставляется такая возможность, и даже в недрах самых жестких тоталитарных структур, которые, в результате этого, неизбежно перерождаются в направлении роста их партикулярности со всеми вытекающими из этого последствиями.

Анархо-народ, в лице своих представителей, всеми доступными ему средствами распространяет, пропагандирует и отстаивает принципы настоящей декларации, рассматривая ее, как целостное концептуальное оружие в борьбе со Злом во всех его проявлениях.

Т. Сихрана(АН-Пресс)

ИСТОРИЯ ПЕРВОМАЯ

Сегодня мало кто с определенностью скажет, почему анархи отмечают 1 Мая. Исторический экскурс, который будет предпринят, важен не только как рассказ что было, но и вынести урок для всех людей ценящих свое достоинство и свободу.

Всего сто с небольшим лет назад, Америка, которую мы знаем как зажравшееся и жлобское общество, представляла из себя страну совсем не "американской мечты". В 1880 году средняя стоимость жизни составляла 720 долларов в год, а годовая средняя зарплата рабочих в промышленности была около 300 долларов в год. При этом средний рабочий день составлял 11-12 часов, а нередко и все 15. Каждый шестой ребенок работал в промышленности, получая половину зарплаты взрослого за одинаковую работу. Что такое охрана труда никто не знал. Все эти данные взяты из заключения Бюро трудовой статистики, представленного Конгрессу США. В конце этого заключения делается вывод:" Люди должны умирать для того, чтобы процветала индустрия".
Естественно, рабочие уже пытались организовано бороться за свои права. Однако мирные шествия, подача петиций вызывали реакцию раздражения и ненависти у властьимущих, более того по свидетельству американского историка Ф.Фонера:" Для отрядов конной полиции или для пеших полицейских, когда они шли сомкнутых строем, стало излюбленным занятием разгонять при помощи дубинок любое скопление рабочих. Дубинка была "беспристрастным" орудием: она одинаково избивала мужчин, женщин, детей и глазеющих лавочников". В ответ стали возникать вооруженные группы для охраны рабочих от нападения полиции и войск. Первая такая группа была создана чикагскими анархистами в 1875 году.

Чикаго был признанным центром рабочего движения в США в 80-х годах. В городе действовали отделения Ордена рыцарей труда, Американской федерации профсоюзов, Социалистической рабочей партии. Но основное влияние на рабочих имели анархисты, объединенные в Международное товарищество трудящихся. Лидерами их стали Альберт Парсонс и Август Шпис, прежде активные функционеры профсоюзов. Разуверившись в легальной политической деятельности, поняв, что парламентские выборы есть лишь "изобретение буржуазии для обмана рабочих", они начали искать новые методы борьбы с эксплуатацией пролетариата капиталистами и государством, с полицейским террором. Главным средством борьбы они видели "создание вооруженных организаций рабочих, готовых с оружием в руках защищать свои права от всяких посягательств на них", главной своей целью - полное уничтожение системы насилия и эксплуатации.

Активность и бескомпромиссная позиция анархистов привлекли к ним рабочих. За один лишь 1883 год из Социалистической рабочей партии в Международное товарищество трудящихся перешли 1500 человек. Они участвовали в организации большинства забастовок на Среднем Западе США, помогая рабочим, принадлежности к партиям и союзам или политическим и социальным взглядам.

В 1884 году Федерация профсоюзов приняла резолюцию: ***с 1 мая 1886 работать не больше 8 часов; установить эту продолжительность рабочего дня явочным порядком и добиваться ее признания всеобщей забастовкой.***

Руководство крупнейшей по численности организации США - Ордена рыцарей труда, согласившись с лозунгом 8-часового рабочего дня, отказалось поддержать его забастовкой, а в марте 1886 года прямо запретила своим членам бастовать 1 мая.

Чикагские анархисты сначала отрицательно отнеслись к лозунгу 8-часового рабочего дня. Лидер чикагских анархистов, Альберт Парсонс, писал: " Согласиться с тем, что капиталисты имеют право на 8 часов нашего труда,- это факт, признающий справедливость наемного труда...8 часов могут оказаться подачкой, которую капиталисты бросят рабочим, чтобы удовлетворить их и заставить отказаться от борьбы за свержение наемного рабства". Однако, поняв, как глубоко этот вопрос волнует рабочих, и не желая оставаться в стороне от массового и исторически прогрессивного движения, анархисты присоединились к нему. Они сразу перевели движение в область практических дел , и в результате, наиболее массовое, активное и успешное выступление 1 мая 1886 года было именно в Чикаго.

1 мая в США бастовали 350 тысяч человек (11562 предприятия), еще около 100 тысяч сумели добиться принятия своих требований до начала всеобщей забастовки. После нее сокращения рабочего дня до 8 часов добились около 200 тысяч, примерно столько же - сокращения с 12 и более часов до 9-10.

В Чикаго, как уже говорилось, движение было наиболее массовым. 1 мая здесь бастовали свыше 40 тысяч человек (около 50 тысяч добились своего до мая 1886-го), не работало ни одно предприятие. В этот же день в газете "Мэйл" появилось требование расправиться с Парсонсом и Шписом - "главными организаторами беспорядков". Власти ждали лишь предлога для своей мести. И выжидали недолго.

На одном из заводов Чикаго объявили локаут, 1,5 тысячи человек были уволены. В ответ рабочие объявили забастовку. 3 мая на завод прибыли штрейкбрехеры. Рабочие их встретили митингом у проходной, но полиция разогнала его, используя оружие. 4 человека были убиты, десятки ранены. В тот же вечер появились листовки с призывом собраться на митинг протеста против террора полиции. К середине следующего дня мэр города дал разрешение на его проведение, и вечером 4 мая на Хэймаркет-сквер собрались 3 тысячи человек, в том числе женщины и дети. Выступавшие требовали проявить твердость и организованность в борьбе за свои права. Около 10 часов пошел проливной дождь, люди начали расходиться. Ушел и присутствовавший на митинге мэр Гаррисон. По пути он зашел в полицейский участок, сообщив, что митинг кончился без всяких инцидентов. Но сразу после его ухода на площадь вступил отряд полиции, потребовавшей очистить

ее. Выступавший в это время анархист Филден успел лишь крикнуть, что это мирный митинг, и тут кто-то бросил бомбу...

Один полицейский был убит, 53 ранено. Тут же был открыт огонь, полицейские преследовали людей, избивая и расстреливая мужчин, женщин и детей. В той бойне погибли десятки, ранено 200 людей.

На следующий день полиция громила рабочие клубы, типографии, без всяких ордеров вламывалась в квартиры, арестовывала "подозрительных". Сотни человек были схвачены и подверглись пыткам, их заставляли лжесвидетельствовать и доносить. Через несколько дней большинство было выпущено. Обвинительное заключение предъявили восьмерым:

- Альберту Парсонсу.
- Сэмюэлю Филдену.
- Юджину Швабу.
- Адольфу Фишеру.
- Августу Шпису.
- Георгу Энгелю.
- Луису Лингу.
- Оскару Небе.

Эти люди были особенно ненавистны властям предержащим - не столько из-за убеждений (все они были анархистами), сколько из-за того, что благодаря им Чикаго стал главным центром рабочего движения в США. Кроме Филдена, никого из них не было на митинге в момент взрыва, поэтому обвинили их не в организации взрыва, а в убийстве: обвинение основывалось на том, что неизвестный террорист действовал под впечатлением их речей.

Парсонсу удалось скрыться в подполье, но к началу суда он сдался, желая разделить судьбу своих товарищей.

Присяжным была дана инструкция: приравнивать к убийству агитацию рабочих за объединение для защиты своих прав. Но и ее не требовалось: присяжные - все как один, управляющие предприятиями- до начала процесса говорили о своей убежденности в виновности обвиняемых и о том, что они вынесут соответствующее решение.

Суд шел около месяца, в заключительном слове прокурор сказал:" Здесь решается вопрос о законности и анархии. Коллегия присяжных отобрала этих людей из числа других и предала их суду потому, что ни были вожаками. Они виновны не в большей мере чем, те тысячи, которые идут за ними. Господа присяжные заседатели, осудите этих людей, и пусть это послужит примером для других." Приговор гласил: семерым - смертная казнь, одному - 15 лет лишения свободы. Филдену и Швабу заменили смертную казнь на пожизненное заключение; Линг покончил с собой.

11 ноября 1887 года Парсонс, Шпис, Энгель и Фишер были повешены. **Но уже в 1893 году всех амнистировали за недоказанностью их вины.**

А в декабре 1888 года Сент-Луисский съезд Американской Федерации Труда решил назначить 1 мая 1890 года днем общенационального выступления за права рабочих.

Чуть позже конгресс Второго Интернационала постановил праздновать 1 мая как день международной солидарности трудящихся, и ежегодно отмечается как дань памяти четверым анархистам, погибшим за рабочих.

Л.Чёрный
А.Тюрин-Дубовик

Из работы "Этика анархизма"

/.../ Перовская и ее товарищи убили русского царя, несмотря на отвращение к кровопролитию, несмотря на симпатию к тому, кто освободил своих крестьян, признали, что они имели право на этот поступок.

Почему? Не потому, чтобы этот акт был признан полезным: три четверти человечества еще сомневается в этом, но потому, что каждый чувствовал, что Перовская и ее товарищи ни за какие сокровища мира не согласились бы стать в свою очередь тиранами. Даже те, которым не известна эта драма в ее целом, тем не менее убеждены, что в этом поступке сказалось не удальство молодых людей, не попытка к дворцовому перевороту, или стремление к власти, а ненависть к тирании, ненависть, доходящая до самоотвержения и смерти. "Эти люди", говорят про них, "завоевали право убивать".

Человечество никогда не отрицает права пускать в ход силу - будь то на баррикадах или в глухом переулке - тех людей, которые уже завоевали себе это право. Но для того, чтобы подобные поступки могли оказывать глубокое влияние на умы, необходимо завоевать это право. Иначе поступок, как полезный, так и вредный, будет лишь просто актом грубости, не имеющим никакого значения для идейного прогресса. Его будут рассматривать, как простое перемещение силы, простой подмен одного эксплуататора другим.

Кропоткин П.А.

Из письма Н.В.Чайковскому от 2 февраля 1895 г.

Ну , а насчёт террора, вот что я тебе скажу. Люди, принимавшие в нем деятельное участие, личное участие, все, по мере того, как факт отходил в прошедшее, начинали бояться, как бы их пример не повлёк за собою молодой рисовки террором, как бы факты такие не случались без необходимой крайности, как бы люди молодые не прибегали к нему легкомысленно. После Парижских дел (Парижская коммуна - прим. ред.), Сергей (Степняк-Кравчинский - прим. ред.) сплошь в этом смысле говорил со мною. И любил он говорить об этом с Малатестой (итальянский анархист - прим. ред.), который еще строже Сергея стал к этому относиться В этом смысле он и говорил, и писал: "Террор - ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это - безропотно сносить насилие".

Когда живой рассказ заставлял его переживать злодейства, ну хоть французских штрафных батальонов, он становиться террористом. Но он всегда боялся, как бы молодые люди не шли в террор без достаточно глубоких аффектов.

Оно - так. Террор понимают только те, кто переживает аффекты, вызывающие его.

П.Кропоткин

Речь Анжиолилло на суде.*

"Господа! - говорил Анжиолилло, - Вы видите перед собой не убийцу, а исполнителя казни"

Долгие годы я следил за событиями в Европе. Я изучал положение Испании и других стран, которые ее окружают: Португалия, Франция, Италия, Швейцария, Бельгия, Англия. Мои занятия и мои симпатии постоянно меня приводили в соприкосновение с простым рабочим людом. Всюду я встречал одни и те же революционные настроения и надежды.

Повсюду также я убеждался в черствости сердец богатых и у власти стоящих людей и в их презрении к людям.

И в тоже время я узнал, что в Испании, этой классической стране инквизиции, еще не умерли инквизиторы. Я узнал, что людей, заключенных в тюрьме, отныне получившей печальную известность, подвергнуты были истязаниям. Я узнал, что против них были употреблены всевозможные средневековые пытки и кроме того, то, что дала новейшая наука. Я узнал, что пятеро из них были убиты, что 70 других осуждены на ужасные наказания, а те, невинность которых была доказана, были изгнаны из отечества.

Тогда, господа, я сказал себе, что такие ужасы не должны оставаться без возмездия. Я стал искать тех, кто ответственен за них. Из-за жандармов, исполняющих роль палачей, офицеров, исполняющих роль судей, и всех тех, кто исполняет чужие приказания, я увидел того, кто их даёт.

В глубине своего сердца я почувствовал, необоримое чувство ненависти против государственного деятеля, управляющего посредством террора и пыток, против министра, посылающего на бойню тысячи и тысячи солдат и разоряющего поборами и налогами народ, который мог быть счастливым в своей чудной, богатой и плодотворной стране, против этого наследника Калигул и Неронов, преемника Торквемады, последователя Стамбулова и Абдул-Гамида, против этого чудовища - Кановаса, и я счастлив и горжусь тем, что избавил от него землю.

Разве дурно убить кровожадного тигра, который когтями разрывает груди и своими челюстями отрывает головы людей? Разве преступление раздавить ядовитую гадину?

Если принять в соображение совершенные зверства, моя жертва была хуже сотен тигров и ядовитых гадин. В ней было олицетворено все самое позорное, что заключается в религиозном изуверстве, незаконности суда, тирании власти и алчности владеющих классов.

Я избавил от этого чудовища Испанию, Европу, весь мир. Вот почему я - не убийца, а исполнитель казни.

* 8.08.1897 г. анархист Анджолиолло убил премьер-министра Испании Кановаса.

Об актах личного и коллективного протеста.

В нашей литературе неоднократно указывалось на неизбежность тех актов индивидуального или коллективного протеста против опор современного общественного строя, которые носят название террора. Вне революционное время они служат часто признаком общественного возбуждения и поднимают дух независимости в массе. Они подают пример личного геройства на служении общественному делу и тем самым будят равнодушное большинство; вместе с тем они подрывают веру в могущество политических и экономических угнетателей. В революционную же эпоху они становятся общим явлением, и не одни только исключительно героические личности отвечают вооруженным отпором на давящий их гнет. В такое время не нужно даже быть принципиальным революционером, чтобы сочувствовать такого рода актам. Но признавая это общее положение, необходимо однако помнить, что значение каждого террористического акта измеряется его результатами и производимым им впечатлением.

Это соображение может служить мерилом того, какого рода акты содействуют революции и какие могут оказаться напрасной тратой жизней и сил. Первое условие, которое ставит жизнь, это чтобы данный террористический акт был понятен всякому без данных объяснений и сложной мотивировки. Есть личности, настолько известные своей деятельностью все равно, в целой ли стране или среди населения данной местности, что при известии о нападении на них каждому тотчас же, без помощи революционных изданий, вспоминается их прошлое, и террористический акт представляется совершенно ясным. Если же для понимания данного акта, человеку из массы, не революционеру, приходится проделать целую головоломную работу, то влияние его сводится на нуль, или даже оказывается отрицательным; акт протеста превращается тогда в глазах массы в непонятное убийство.

Деление террора на политический и экономический, на центральный и "разлитой", мы находим совершенно искусственным. Мы боремся одинаково с экономическим и политическим гнетом, гнетом центрального правительства, как и с гнетом местной власти.

Есть в вопросе о терроре и другая сторона - организационная. Мы считаем, что террористический акт есть дело решимости отдельной личности или кружка помогающих ей товарищей; поэтому централизованный террор, в котором действующая личность играет роль исполнителя чужих решений, противен нашим понятиям. Как мы не считаем возможным удерживать товарищей от революционных актов во имя партийной дисциплины, так точно мы не считаем возможным и приглашать их отдать свою жизнь в деле, которое решено и предпринято не ими.

Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующего порядка, а видим в нем только проявление совершенно естественного чувства возмущенной совести, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитационное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди народа.

"Хлеб и Воля", 1906г.

Примечание редактора:

Итак, уважаемый, как видишь анархисты даже в золотой век террора не становились террористами ради террора. Более того, то время требовало революции, целью которой должно было стать освобождение народа от цепей капитала и власти. Сегодня вопрос о революции более чем спорный, да и освобождение народа является туманной идеей. Но, что необходимо помнить так это беззаветная преданность делу Свободы, трезвая оценка обстоятельств, личное мужество, доблесть, чувство собственного достоинствв и ясное понимание того, что насилием Свободы не добьешься. А вот подъем общества против тирании власти возможно только своим примером — это наши анархо — предки продвигали четко. И естественно, никто из них не додумался брать заложников для осуществления своих целей. Так что делай выводы, уважаемый.

"КАЗАНСКИЙ АНАРХИСТЪ"
редактор Л.Чёрный
тираж:
скоко надо - стоко будет!
Пишите нам:
420059, Казань, а/я 199